

ГЛАВА 1

Прежде чем выйти из дома, я посмотрела на термометр за окном. Там был нуль градусов, а на душе тоже нуль, с тенденцией к понижению, значит, минус нуль. Если кто-то считает, что такое невозможно, то я готова с ним поспорить. Когда речь идет о состоянии души, то нуль бывает и со знаком плюс, и со знаком минус, в зависимости от того, что ждет впереди.

Во дворе было слякотно, снег уже растаял, мокрые деревья кивали друг другу голыми ветками. На душе тоже было пасмурно. А разве могло быть иначе, если Голявин весь вечер и все утро твердил мне о Виктории? Его голова была занята исключительно воспоминаниями о студенческой жизни, когда же речь шла о сегодняшнем дне, то имя Вика, Викуля, Виктория Александр произносил с особым трепетом.

Я стала ревновать Голявина к этой особе, с которой он учился в институте и с которой с недавних пор работал в одной больнице, но, к счастью, в разных отделениях. Это было что-то новое в наших отношениях, я не испытывала ревности даже к Светочке, с которой Саша был когда-то очень близок. А эта Виктория возникла со своими проблемами как раз тогда, когда я согласилась выйти замуж за Голявина. И сразу что-то изменилось в окружающем мире, все пошло наперекосяк. Мы познакомились с Александром в институте Склифософского, я попала туда с сотрясением мозга, и Голявин меня лечил. Это было в конце прошлого лета, но до вчерашнего вечера мне казалось, что мы знакомы с ним целую вечность, что он всегда был, есть и будет в моей жизни, а теперь уверенности в этом поубавилось.

Надо сказать, что я обладаю неординарными экстрасенсорными способностями, могу заглядывать в прошлое и будущее, выходить в астрал, блуждать по энергоинформационному полю, становиться невидимой для окружающих и манипулировать подсознанием людей. Все эти способности

мне даны для того, чтобы исполнять мое жизненное предназначение — охотиться на тех, кто с помощью своей сильной биоэнергетики или черной магии творит зло.

Да, Ольга Антоновна Калинова — охотница на ведьм и колдунов. Я часто говорю о себе в третьем лице, потому что вижу себя внутренним зрением. Но теперь, когда дело касается моей личной жизни, я категорически отказываюсь от того, чтобы использовать свои экстрасенсорные способности и узнать, что связывает Александра и Викторию.

Искушение использовать свой дар ясновидения в вопросах личной жизни всегда велико. Но узнать правду может быть еще тяжелее, чем томиться в изнурительном неведении. Я — реальный человек и хочу ощущать свою жизнь во всех ее проявлениях. Сегодня мной овладела ревность, и мне интересно, как быстро я смогу с ней справиться. Или не смогу совсем? Так или иначе, но повод для этого чувства есть.

Мы объявили друзьям, что собираемся пожениться, подготовили к этому серьезному шагу Регину Сергеевну, Сашину ма-

тушку, получили ее благословение, но дальше этого дело не пошло. Заявление в загс мы так и не подали. У Голявина стали находиться самые разные причины, чтобы перенести это мероприятие на неопределенный срок. То он не мог отпроситься с работы, потому что поступил тяжелый больной, то забыл дома паспорт, а однажды ему просто-напросто помешал гололед. Мне даже показалось, что Александр решил поиздеваться надо мной в отместку за то, что я так долго не давала согласия выйти за него замуж. Но, может быть, все дело в Вике? Вчера Голявин сначала задумчиво молчал, а потом вдруг сказал, что в последнее время с Викулей творятся какие-то странные вещи, ее никто не замечает. Еще не понимая всей серьезности положения, я сказала, что в этом нет ничего необычного, есть такой невыразительный тип лица, который не привлекает к себе внимания.

— Да, Саша, бывают люди с изюминкой, а бывают и без нее. Есть женщина с особым шармом, а есть...

— В том-то и дело, Оля, что Вика очень красива. В нее был влюблен весь наш курс, — Голявин поднял отстраненный взгляд к потолку, вспоминая, наверное, те годы. — А сейчас... Андрей, ну ты

его знаешь, он голову из-за Вики совсем потерял...

— Из-за Вики? По-моему, у него при виде любой женщины крыша едет, — заметила я, вспоминая безуспешные попытки Сашиного коллеги приударить за мной.

— Но Виктория не любая! — возразил Голявин, и в его глазах блеснул незнакомый мне огонек. — Она очень эффектная и с шармом, как ты говоришь. И вдруг ее перестают замечать... Оля, ты сейчас поймешь, что это по твоей части. Я был на консилиуме в третьем отделении, Вика сидела напротив меня, но я не сразу обратил на нее внимание, а только после слов профессора Александрова, который заметил, что без Гореловой трудно разобраться... впрочем, медицинские заморочки тебя не должны интересовать...

— Саша, честно говоря, пока меня ничто не заинтересовало. Понимаю, ты встретил свою старую знакомую, но я-то тут при чем?

— Я и пытаюсь это тебе объяснить. Оля, очень прошу тебя, прислушайся к моим словам! С Викой действительно происходят странные, необъяснимые вещи, и только ты можешь в этом разо-

браться. — Голявин долго вертел в руках пульт от телевизора, потом выключил его, и мне стало ясно, что перевести разговор на другую тему не удастся, придется дослушать душеспитательную историю до конца. — Вика объявила, что она здесь, в конференц-зале, и может объяснить свое заключение. Вот тогда-то все, в том числе и я, заметили Викторию. А после консилиума она призналась мне, что подобное происходит уже несколько дней. В ее машину дважды врезались, причем так, будто она была невидимкой...

— А может быть, наоборот? Если твоя Виктория такая эффектная, на нее заглядывались и потому врезались в машину. — Я состроила кислую мину, давая понять, что продолжение разговора мне неинтересно.

— Если бы! — Голявин, напротив, вошел в раж. — С ней перестали здороваться и соседи, и сотрудники, и просто знакомые. Я сам наблюдал одну сцену...

— Саша, но ты-то ее замечаешь, так?

— Ну да, то есть нет. Я тоже сегодня прошел мимо Вики, но она окликнула меня... Знаешь, когда Виктория три месяца назад устроилась на работу в Склиф, все было иначе. По крайней мере, я ее за-

мечал, здоровался с ней, мы болтали о том, о сем...

— О чем? — Я испытующе смотрела в глаза Голявину.

Саша нисколько не смутился и ответил:

— Вспоминали студенческие годы, практику... Вика упала в обморок при виде скальпеля...

— Да! А сейчас она орудует им как кухонным ножом?

— Нет, Виктория — узист. Что-то в этом роде я и предполагал... Но вот то, что она до сих пор не замужем, меня очень удивило, — Голявин либо надо мной издевался, либо так влюбился в эту Викторию, что не соображал, о чем говорит. — Я спросил, неужели ни разу не выходила замуж, или просто в разводе...

— Так, Саша, по-моему, ты потерял голову от этой красотки, и тебя терзают какие-то обязательства передо мной, — я старалась говорить спокойно, с улыбкой. — Пока ты совершенно свободный человек, который также не был ни разу женат, ну я имею в виду официально... Светочка не в счет, и я...

— Оля, тебе не идет роль ревнивой жены. Ты прекрасно понимаешь, что меня и Викторию ничего не связывает, ■

кроме шести лет учебы и теперь места работы. Но... то, что с ней происходит, заслуживает твоего внимания. По-моему, кто-то оказал на Вику магическое воздействие, и она нуждается в твоей помощи. Оля, ты же охотница на ведьм! Прошу тебя, приезжай завтра в больницу, я познакомлю вас. Уверен, что ты согласишься на Вику и сразу поймешь, что к чему. Оля, ты приедешь?

— Не знаю, у меня завтра много работы, все встречи с клиентами на разных концах Москвы. — Я понимала, что веду себя глупо, продолжаю играть роль ревнивой, только не жены, а невесты, но ничего с собой поделать не могла. — Может быть, послезавтра буду свободнее... И потом, мне кажется, что все происходящее с твоей Викторией объясняется с точки зрения психологии, не парапсихологии. Похоже, эта особа привыкла чувствовать себя в центре внимания и не заметила, что годы идут. Если ты с ней вместе учился, то Вике уже за тридцать, а вокруг столько молоденьких девушек...

— Оля, я тебя сегодня не узнаю! Обычно ты сама цепляешься за все паранормальности, пытаешься помочь людям избавиться от дурного влияния, даже если

об этом тебя никто не просит. А теперь я прошу тебя продиагностировать свою коллегу Горелову Викторину Федоровну, а ты отнекиваешься. За все время, проведенное рядом с тобой, я научился разбираться, где проблемы сверхъестественного характера, а где нет. Уверен, что с Викторией творится нечто из этой области. Прошу тебя, посмотри ее завтра же, — Голявин был очень серьезен, мне показалось, если я снова буду с недоверием относиться к его словам, он встанет и уйдет, несмотря на позднее время.

— Хорошо, я выкрою время для твоей знакомой.

Пообещав вчера приехать в Склиф, сегодня я уже не могла идти на попятный, хотя это было против моего желания. Даже если Виктория и подцепила какую-то порчу, ее судьба меня совершенно не волновала. Скорее всего, Голявин перемудрил, я не нашла в его словах даже намека на мистику. Подумаешь, не замечают! Это не самое страшное, с этим можно жить.

Итак, на улице и на душе было минус ноль, но я все равно собиралась заехать в Склиф после встречи с одним заказчиком. Работа рекламным агентом мне нра-

вилась, и прежде всего потому, что свободный график оставлял мне массу времени для охоты на ведьм и колдунов.

Признаюсь, как-то пыталась использовать свои паранормальные способности, чтобы заставить клиентов заключить договоры с нашим рекламным агентством «Алькор», и это у меня получилось. Но мой дар вдруг покинул меня, когда надо было уничтожить астральные сетки, созданные одной ведьмой. Тогда я дала себе зарок направлять свои способности только на борьбу с черными силами, и все встало на свои места, дар ко мне вернулся. Ольга Антоновна Калинова никогда не боялась выйти одна на тропу войны и с бандами экстрасенсов, и с самыми безжалостными и непредсказуемыми колдунами-одиночками, но предстоящая встреча с красивой и привыкшей находиться в центре всеобщего внимания Викторией вызывала у меня смутное предчувствие беды. Эта особа могла увести у меня Голявина. Уверена, я не стала бы пускать в ход свои сверхъестественные способности, чтобы насильно удержать Сашу рядом с собой. Однажды я и это пыталась сделать, только моей «соперницей» была Регина Сергеевна, его матуш-

ка. Ничего хорошего из этого не получилось, а повторять свои ошибки я больше не собиралась.

На душе минус ноль — это когда ты делаешь то, что тебе не хочется... Будет ли из этого толк?

ГЛАВА 2

Меня наотрез отказались пропустить в отделение нейрохирургии без сменной обуви и белого халата. Это отвечало моим собственным желаниям — уйти, а потом пожаловаться Голявину на строгий пропускной режим. Но я позвонила Саше и расположилась на кушетке под фикусом, ожидая, когда Голявин ко мне спустится. Специфический запах больницы заставил меня вспомнить десять дней, проведенных в этих стенах. Сначала мне было смертельно скучно, а потом в больницу поступила пациентка с зомбированным мозгом, и я занялась расследованием того, кто заложил числовые кодировки в ее подсознание. Меня никто об этом не просил, более того, весь персонал строжайше скрывал от меня все, что было связано с этой пациенткой, но мой «третий глаз» видел сквозь стены...

— Оля, хорошо, что ты пришла, — голос Голявина заставил меня вернуться к реальности. — Да, я забыл тебя вчера предупредить, чтобы ты взяла сменку. Вот надень на сапоги бахилы.

Перехватив мой недовольный взгляд, Саша присел на корточки и, ничуть не стесняясь присутствия гардеробщицы и охранника, стал надевать поверх моих сапог на высоких каблуках эти ужасные зеленые полиэтиленовые мешки на резинках. Затем Голявин помог мне снять дубленку, накиннул на мои плечи белый халат, пропахший гремучей смесью хлорки, йода и сигарет, а сам отошел к гардеробу.

— Ну, пойдем, — сказал он через несколько секунд, убирая номерок в свой карман. — Оля, что с тобой?

— Ты предлагаешь, чтобы я пошла знакомиться с твоей Викторией в таком виде? Где ты взял этот халат? В корзине для грязного белья? — скрывать эмоции было выше моих сил. — Саша, ты надо мной издеваешься?

— Этот халат мне Андрей дал. Хочешь, надень мой, — Голявин стал поспешно расстегивать пуговицы, а у меня было такое ощущение, что все происходит не со мной. — Оля, ау! Ты не заболела? У тебя

взгляд какой-то отстраненный. Ну вот, так уже лучше. Меняемся халатами. Этот действительно постирать надо. Ну, Андрюха...

— Ладно, пошли к твоей узистке, — мне надоели любопытные взгляды гардеробщицы, и я решительно шагнула к лестнице. — Саша, пока я тебя ждала, мне в голову пришла одна мысль...

— Да, слушаю тебя.

— Обычно, когда речь идет о каких-то паранормальных явлениях, на моей внутренней картинке возникают образы, несущие скрытую информацию. Помнишь Кирилову? Мне никто не говорил, что она поступила в больницу, а вот мое внутреннее зрение показало ее, причем с дырой в области «третьего глаза». А когда ты говорил о Виктории... Ой, — я оступилась и едва не упала на лестнице из-за этих ужасных бахил, натянутых на каблучки. — Так вот, когда ты о ней говорил, не было никаких иллюстраций на внутренней картинке. Я зря сюда пришла! Здесь мистикой даже не пахнет!

— Оля, мы в двух шагах от кабинета УЗИ-диагностики. Может, хватит ломаться? Пойдем! — Голявин рывком сдвинул меня с места и потащил за руку вперед.

Никогда прежде Саша не вел себя со мной так бесцеремонно. Похоже, Виктория его околдовала, и спастись от черных чар надо было не ее, а самого Голявина. Внезапное смещение приоритетов придало мне решимости, я поняла, что готова бороться с особой, избалованной мужским вниманием, и мой нелепый внешний вид уже не имел никакого значения. «Ну и что, что халат непомерно широк, а правый каблук прорвал бахилу, разве мои экстрасенсорные способности стали от этого слабее?» — теперь я уже сама хотела познакомиться с Гореловой.

Около кабинета ультразвуковой диагностики было пусто, Саша тихонько постучал в дверь, ответа не последовало.

— Там закрыто, — сказала девушка в брючном костюме цвета бриллиантовой зелени, проходившая мимо.

— А где Виктория Федоровна? — спросил девушку Голявин. — Она была сегодня? Она не заболела?

— Не знаю, я ее не видела. — Медсестра пожала плечами и зашла в палату.

— Вот видишь, Оля, она Вику не видела. Разве это не странно? Ты подожди меня здесь, я поищу Викторию. — Голявин торопливыми шагами пошел впе-

ред по коридору, заглядывая в каждую дверь.

Наверное, ему никто не мог толком сказать, была ли сегодня доктор Горелова на работе, и если была, то где она сейчас. Вот это мне действительно показалось странным, ведь врач — это не рекламный агент, у которого свободный график работы. «Похоже, Виктория еще та штучка! Наверно, шляется по всем отделениям в поисках того, кто обратит на нее внимание. Благо узист — это не реаниматолог, больные подождут, ничего с ними не делается». — Я подошла к окну, из которого открывался вид на больничный двор. На крыльце служебного входа курили трое медработников: двое мужчин и одна женщина. Женщина стояла ко мне спиной, но я сразу поняла, что эта особа в наброшенной на плечи норковой шубке и есть Виктория. Словно почувствовав мой взгляд, женщина оглянулась, и я успела заметить, что Голявин был прав, говоря о необычайной красоте своей однокашницы. Роскошные каштановые волосы, выбившиеся из-под белого колпака, мягко спадали на плечи, не закрывая лба. Но в открытом взгляде была заметна тревога. Виктория еще раз оглянулась, искала что-то гла-

зами так, будто чувствовала опасность. Мужчины пытались развеселить свою собеседницу, в одном из них я узнала Андрея Вадимовича. Он отчаянно жестикулировал, наверное, рассказывал свои любимые сальные анекдоты. Мне очень хотелось, чтобы эту сцену увидел Саша. Возможно, у него сразу пропали бы иллюзии насчет того, что Викторину не замечают и ее надо от чего-то спасти. Но Голявин куда-то пропал, а Горелова пока не собиралась возвращаться в отделение.

Она достала новую сигарету, и в этот момент к ней подлетела ворона. Виктория отмахнулась от нее рукой, но ничуть не испугала ворону. Птица снова попыталась атаковать, но на этот раз ее отогнал незнакомый мне врач. Вика стояла не двигаясь — создавалось такое ощущение, что она совсем не чувствует нависшей угрозы. Андрей обнял ее за талию и попытался увести к служебному входу, но не успел. Теперь уже три вороны со всех сторон атаковали Горелову. Мне показалось, что одна клюнула Вику в руку. Любой другой человек, оказавшись он в подобной ситуации, закричал бы от боли и страха. Но Виктория продолжала оставаться неподвижной. Она даже не вскрикнула,

будто бы совсем ничего не почувствовала. Только поднесла руки к лицу, защищая его от хищных птиц. Андрей поднял с земли увесистый камень и бросил в остервенелую обидчицу. Ворона упала, но две другие так и норовили исклевать Виктории лицо. Теперь Горелова мелкими шагами продвигалась к железной двери, продолжая закрывать лицо руками. А мужчины принялись отпугивать ворон, один — поднятой палкой, а другой — снятой с себя курткой.

Птицы не сдавались, они даже отлетали не больше чем на полметра. Третья ворона очухалась и попыталась взлететь, но поздно, Виктория наконец-то скрылась за дверью. Следом за ней исчез из поля моего зрения Андрей Вадимович, а затем и третий участник этой странной битвы с пернатыми. Две вороны тотчас взмыли в небо, мне показалось, что, кроме Виктории, их никто не интересовал. А вот третья так и не смогла взлететь.

— Оля, представляешь, я Вику нигде не нашел, — за моей спиной раздался расстроенный голос Голявина.

— Зато, кажется, я ее нашла. Если не ошибаюсь, она курила на улице, и не одна, с ней были Андрей и еще один му-

жик. — Я внимательно следила за Сашинной реакцией, но он пропустил мимо ушей мое замечание о том, кто составил Гореловой компанию, а заострил свое внимание только на том, что она курила.

— Да, Викуля стала курить. Это на нее так не похоже. Дня три назад я увидел ее с сигаретой. Наверно, это как-то связано с тем, что с ней произошло. — Голявин не сводил глаз с лестницы, ожидая, что на ней вот-вот появится Виктория.

Я не сочла нужным рассказывать ему об атаке ворон, потому что сама пока никак не могла прокомментировать эту странную историю. На внутренней картинке по-прежнему не было никакой дополнительной информации. У меня нашлось только одно объяснение всему — ничего сверхъестественного с Гореловой не происходит, нападение ворон — чистой случайность, а Голявин влюбился в нее и окружил недоступную ему Викторией ореолом мистики. «Почему недоступную? А как же иначе! Ответь она Саше взаимностью, он бы не стал искать никаких мистических причин. Нет, Голявин не для нее». — Между тем этот вывод не притупил ревность, глубоко засевшую где-то внутри меня. Достаточно было

взглянуть на Сашу, чтобы понять — он стал другим.

— Викуля, что с тобой? — Голявин бросился вниз по лестнице, оставив меня наедине с моей все возрастающей ревностью.

Где-то совсем рядом слышались голоса, мужские и женские, знакомые и неизвестные. Я с трудом сдерживала себя, чтобы не уйти через выход на другом конце коридора, и не понимала, зачем пришла сюда и почему осталась.

— Кого я вижу! Калинова собственной персоной! — Андрей склонился передо мной в низком реверансе. — Так вот для кого Сашка халат искал! На ультразвук пришла? Понятненько. Но вот Виктория Федоровна сегодня больше принимать не будет. О, да ты все видела!

Андрей Вадимович заглянул в окно и убедился, что обзор, открывающийся отсюда, позволяет прекрасно рассмотреть место, где на Горелову набросились вороны.

— Я всегда знал, что ты — ведьма, — шепнул мне на ухо Андрей. — Признайся, это ты ворон на Вику натравила!

Я ничего не успела ответить этому хаму, потому что появилась она, Виктория, в сопровождении Голявина.

— Вот, Вика, познакомься, это Оля, — сказал Саша.

— Оля, познакомься, это Вика, — передразнил Андрей.

— Очень приятно, — Горелова ответила дежурной фразой, и на ее красивом лице не появилось никаких эмоций. — Саша рассказывал мне о вас.

— А мне — о вас. — Я заметила, что на левой руке Виктории был пластырь, похоже, одна из ворон все-таки добралась до нее.

— Ну я пойду, — сказал Андрей Вике, а потом обратился к Саше. — Ты со мной или останешься?

— Пожалуй, я тоже пойду, — Голявин переводил взгляд с меня на Викторию, будто ждал, что она или я попросим его остаться.

— Идите, мальчики, работайте, а то Волынский уволит вас из-за меня. — На губах у Виктории появилась грустная улыбка. — Думаю, что самое страшное у меня уже позади. Рану мне обрабатывали...

Саша явно хотел остаться, но Андрей уволок его за собой, бросив нам напоследок воздушные поцелуи.

■ Мы вошли в кабинет Виктории.

— Шут гороховый, — сказала Горелова, прикрывая дверь. — Впрочем, Андрей меня сегодня спас. Знаете, Ольга, мы курили на улице, и на меня набросились вороны. Если бы я была одна, то сегодня бы все и кончилось...

— Я случайно видела вас в окно. Вы оглядывались назад, будто ждали этого нападения.

— Вам показалось, — ответила Виктория, — разве можно такое предположить? Хотя вы, вероятно, можете знать наперед, что нас всех ожидает в будущем. Саша говорил, что вы — ясновидящая...

— Виктория Федоровна, срочно к Александрову! — В кабинет заглянул какой-то врач. — Срочно, он рвет и мечет!

— Подождите меня здесь, — сказала мне Горелова, вешая шубку в шкаф. — Я только отнесу бумаги и сразу вернусь.

Вика взяла со стола несколько листков и ушла. Я ничуть бы не удивилась, если бы Горелова никогда не вернулась в свой кабинет, если бы она вышла на пять минут, а исчезла насовсем, испарилась так, будто была эфемерной. Нет, Ольга Калинова не сошла с ума от ревности. То, что она только что увидела, а еще точнее — не увидела своим «третьим глазом» —

было из ряда вон выходящим. В астральном плане Виктории не существовало.

Вместо многослойной цветной ауры мой «третий глаз» узрел расплывчатое черное пятно вокруг красивой стройной фигуры. Такое бывает только на смертном одре. Но, как ни странно, Горелова только что разговаривала со мной, она слышала меня, видела меня, она двигалась. Как же это понимать, физическое тело опоздало за астральным? Или я все-таки ошиблась? Что, если мое изначально негативное отношение к Вике как-то повлияло на увиденное? Увидела то, что хотела, а не то, что есть на самом деле, — я призналась себе, что допускала мысль, чтобы Виктория куда-нибудь исчезла из нашей жизни так же внезапно, как и появилась. Ну, хорошо, пусть у меня это самовнушение. А что у Голявина? Он постоянно твердил о каких-то странностях, связанных с Викторией. Ее будто бы не замечали в упор. Она есть, и в то же время ее нет. А ведь это означает то же самое — физическое тело существует, а астрального уже нет. Я и Саша, мы не можем одновременно ошибаться. А ведь Вику действительно надо спасти! Если еще не поздно...

У меня впервые не было уверенности, что я справлюсь с поставленной задачей. На душе минус ноль — это когда от тебя зависит чья-то жизнь, а ты не знаешь, что делать...

ГЛАВА 3

Горелова, как и обещала, вернулась довольно быстро, и это меня обрадовало. Приоритеты снова сместились. Пока Вика отсутствовала, я забыла о личных чувствах и стала думать только о том, как ее «реанимировать». Факт магического вмешательства в жизнь Виктории был налицо, само по себе астральное тело разрушиться не могло, но, как именно это произошло, оставалось загадкой. На внутренней картинке по-прежнему не было подсказок.

— Ну, что вы видите? Впрочем, мне уже все равно, что со мной происходит. За три дня я стала фаталисткой. Это Шурик настоял на встрече с вами... А правда, что вы собираетесь пожениться? — Виктория села напротив и пристально оглядела меня с головы до ног.

— Вас это удивляет?

— Нет. Удивление — это эмоция, а я перестала их испытывать. Я живу только разумом, а чувств больше нет. Как же это вам лучше объяснить? Порой я понимаю, что-то одно меня должно удивить, что-то другое насторожить, а третье, допустим, обрадовать, но внутри меня этих чувств не возникает. Не понятно? Хорошо, объясню по-другому. Допустим, вы перестали ощущать вкус, но вы знаете, что лимон кислый, а сахар сладкий...

— И давно это у вас началось?

— Три дня назад, — не задумываясь, ответила Виктория, — причем не постепенно, а как-то сразу. Да, это случилось во вторник. Я встретила в подъезде соседку, она всегда приставала ко мне со своими болезнями, знаете, бывают такие старушки, которые только о болячках и говорят. Так вот, она вдруг прошла мимо, даже не заметив меня. Сначала я решила, что Валентина Петровна обиделась на меня, а потом поняла, что это не так. Пока я сама не обращаю на себя внимание, меня никто теперь не замечает. Меня видят, если только начинают искать специально, а вот мимоходом не замечают... Представляете, что началось, когда я села за руль? В мою «Камри» дважды врезались, теперь она да-

же не подлежит восстановлению. Странно, что я сама не получила ни одной царапины. А вот сегодня вороны... — Горелова посмотрела на пораненную кисть руки. — Так вы это видели?

— Да, видела. Птицы целились именно в вас, не в Андрея Вадимовича и не в другого врача. Но перед этим вы оглянулись, и в ваших глазах был испуг. Мне показалось, что вы предчувствовали неладное. Разве не так? — Я второй раз заострила на этом свое внимание.

— Конечно, не так. Три дня назад я закурила. Раньше боялась, что курение повредит моему здоровью, а тут слетела с тормозов. Попрощалась со своей машиной и сразу же купила сигареты. Поскольку сейчас живу только разумом, то каждый раз, выходя курить, надеюсь, что именно в этот момент кому-то понадобится. Вот и сегодня, оглянувшись на окно Александрова — вместо того чтобы отнести ему отчет, я пошла курить — а вороны тут как тут. Я все говорю, говорю, а вы молчите, — Виктория продолжала изучать каждую деталь моего нелепого облачения, каждую черточку моего лица. — Вам сколько лет, если это, конечно, не